

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС ИМЕНИ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Ольга ШТУККЕРТ

Родилась в 1994 году, лауреат городского Литературного конкурса им. Павла Васильева (2011)

Ночной кошмар

Глава I Мир иллюзий

Подобно цветку расцветала Мари. С каждым годом она становилась лишь краше. И не подозревало ее сердечко о том зле, с которым рано или поздно ей придется встретиться лицом к лицу.

Произошла эта история много лет назад, когда еще правили короли.

В поместье наступила тишина. Поместье было окутано тьмой. Ночь была лунной, и луна светила прямо в окна Мари. И вдруг большая тень проплыла по стене, и на момент показалось, будто в комнате стало прохладнее.

– Кто ты? – спросила Мари, присев на кровати.

Тень подошла ближе.

– Кто ты? – повторила девочка.

– Я – Павор Ноктюрнус, Ночной Кошмар, – наконец ответила тень.

– Зачем ты здесь? – строго сказала Мари.

– Я приношу страшные сны.

– Ты – сон?

– Я – иллюзия...

Наступило молчание. Лишь страх Мари заполнял образовавшуюся пустоту.

– Хочешь, я покажу тебе свой мир? – предложил Павор Ноктюрнус, протягивая Мари руку.

Девочка молча вложила свою ладонь в руку Тени.

...Лишь занавески на окне колыхались от слабого ветра...

* * *

– Мир иллюзий всегда выглядит поразному, – предупредил Павор Ноктюрнус.

Тень и Мари оказались в длинном коридоре с черно-белым полом, похожим

на шахматную доску, и тяжелыми красными тканями, служащими стенами. В конце коридора стояла бледная женщина в длинном черном платье с длинными рукавами с фонариками и с бантом на спине. На ее шее на серебряной цепочке висел изящный крест. Длинные прямые волосы черного цвета и аккуратная прямая челка были украшены головным убором в виде прямой полоски ткани с черными розами по краям – по две на каждой стороне.

Из-за спины женщины вышли девочки-близнецы со светлыми волосами, в черных платьях с кружевами и в кружевных перчатках. Сестры встали перед женщиной и взяли за руки.

– Иллюзий мир подвержен страхам. Не бойся самого себя. Твой страшный сон да станет прахом! Да осветит твой путь мечта!

– Прошу, ступай по зову сердца! По воле собственной здесь ты. Поднимут с глаз твоих завесы. Ты станешь Королевой Тьмы.

Прочитав свои четверостишия, близнецы отошли друг от друга, представляя стоящую все это время за ними женщину в длинном черном платье.

Она ничего не сказала. Лишь поклонилась в знак приветствия и благодарности за уделенное внимание и отошла в сторону, пропуская Тень и Мари дальше, во тьму...

* * *

Коридор заканчивался большой деревянной дверью, открыв которую ты попадаешь в маленький садик.

Аккуратно выстриженные кустарники, цветы, даже прудик с лебедями и мостик с одной стороны пруда на другую. По газону бегали кролики-альбиносы.

Под старым ветвистым дубом, в тени, были поставлены столик и два стула. Рядом стоял человек, похожий на дворецкого. Человек согнулся в легком поклоне и представился именем Михаэль.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – дворецкий выдвинул стул.

Мари кивнула и присела. Павор Ноктюрнус тоже сел за столик.

Михаэль разлил чай.

– Павор Ноктюрнус, скажи, где я?

– У себя дома.

Мари стало страшно. Неужели она теперь останется здесь навсегда?

Сделав глоток чая, девочка задала еще один вопрос:

– А кто та женщина?

– Это наш принц...

Мари была удивлена. Как принц может выглядеть как женщина?

– Принц достаточно молчалив. Он никогда не улыбается, – продолжил Павор Ноктюрнус. – Принц считает, что для человека всегда были важны душа и сердце, а душа – это место, где пол не имеет значения. Тебе ведь снились сны, где ты выглядела не как обычно?

Мари опустила глаза.

– Иллюзии – существа, которые умеют мастерски перевоплощаться. И делают они это так, что ты можешь и не заметить.

Пара белых голубей вернулась в кованую белую клетку. Дворецкий закрыл дверцу клетки и улыбнулся.

Садовник продолжал свою работу – стриг кусты.

– Это – твой дом.

* * *

Тень и Принц стояли на большой шахматной доске и передвигали огромные шахматные фигуры.

– Мари была очень удивлена, – заговорил Павор Ноктюрнус.

Принц бросил единственный взгляд на своего визави, не отвлекаясь от перестановки черного коня.

– Шах! Как так! Что я пропустил?

– Следи за игрой и не болтай впустую.

– Мой принц...

– Для человека всегда были важны душа и сердце. А душа – это место, где пол не имеет значения...

Глава II Бессмертие

Поздно вечером Павор Ноктюрнус снова пришел к Мари и сообщил, что сегодня будет бал.

Мари долго собиралась. Ей надо было самой затянуть корсет и сделать прическу. Девочка выбрала свое любимое белое платье.

В полночь, когда она была полностью готова, Мари легла на кровать и погрузилась в сон...

Глазам девочки предстал шикарный золотой зал. К центру зала с двух сторон спускалась лестница, где в то время стояли Принц и Тень.

Павор Ноктюрнус спустился к Мари, поцеловал ей руку и пригласил на танец. Мари была не против, тем более что она

никогда не видела столь красивого зала. Такой красоты не было даже в поместье ее семьи.

Она оглядела Тень. Он был в черном фраке и в туфлях на высокой платформе. А у них и так была большая разница в росте. Его длинные темные волосы, обычно высоко поднятые и не знающие законов гравитации, сейчас были красиво уложены и собраны в хвост. Длинная челка закрывала половину его лица, но все же он мог видеть обоими глазами.

Принц стоял на лестнице. На нем было длинное темно-коричневое платье. Черные кудри падали на плечи с двух сторон и были украшены двумя синими розами с правой стороны.

Принц потребовал внимания. Все присутствующие в зале посмотрели вверх. Принц поклонился в своей манере. Ах, сколько музыки в его движениях!

Он подал знак музыкантам. Те начали играть «Первый венгерский танец» Брамса.

В перерывах между танцами Михаэль предлагал гостям закуски и вино.

Принц наблюдал за балом сидя на троне и с печальным видом обрывал лепестки синей розы... Вдруг он о чем-то вспомнил, встал с места и ушел из зала.

Он спустился в темный подвал и ключом открыл одну из дверей. В помещении не было ничего. Лишь в центре стоял единственный стул. На этом стуле сидела кукла в черном платье и с красными кудрями. Один глаз куклы был закрыт повязкой с изображением розы.

Она подняла голову, посмотрела на Принца и улыбнулась. Принц обнял ее, приподнял повязку и в отверстие, скрытое под ней, вставил серебряный ключик и несколько раз прокрутил его.

– Хозяин... Я люблю Вас...

Принц взял куклу на руки и поставил ее на пол.

– Но я еще не могу, – неуверенно сказала кукла и сделала пару шагов.

Принц молча кивнул.

– Хозяин, я...

...и пошла...

Кукла дошла до Принца и упала.

Принц обнял куклу и прошептал, закрыв глаза:

– Я верю в тебя, Розы...

* * *

По окончании бала Павор Ноктюрнус отвел Мари в одну из комнат дворца, а сам куда-то ушел.

Вдруг в углу послышался странный звук. Девочке стало интересно, что там... Она взяла канделябр и подошла поближе... Звуки были похожи на плач. Неужели здесь есть кто-то еще?

– Кто ты? – спросила Мари.

Человек не отвечал. Лишь продолжал плакать.

Мари поднесла свет к его лицу и подумала, что это, скорее всего, шут. Он был в белом костюме с жабо и в забавном колпаке с помпончиками. На белом лице были нарисованы черные полосы, чтобы предать образу более трагичный вид.

– Ты – Пьеро?

– Вы знаете мое имя?

– Нет, я лишь предположила.

– Меня никто раньше не называл по имени... Два века я служу здесь, и два века никто не называл меня по имени...

– Однажды на рынке я видела кукольное шоу, и там одну куклу звали Пьеро. Она выглядела так же, как ты. Скажи, почему ты плачешь?

– Господину не нравятся мои шутки. Как бы я ни старался – он никогда не улыбался...

– Как такое возможно?

– Что же мне делать? – еще больше разрыдался шут.

«Принц... неужели он и правда такой? – думала Мари. – Неужели он правда такой бессердечный?»

– В сердце Принца поселилась тьма, когда он потерял близкого человека...

– Близкого? Кто же это?

– Это ты.

Мари была шокирована словами шута. Она не могла быть знакома ни с кем из этого мира раньше.

– Его душа сейчас живет в тебе. Он был для Принца другом детства. Они были неразлучны... Но однажды случилось ужасное – Вильям, так звали этого мальчика, сказал, что больше не хочет дружить с Принцем. Почему – так и не объяснил. И ушел... навсегда. Говорят, его тело нашли в колодце, но я не могу знать правды. Ведь я никогда не покидал стен дворца. А Принц жил с этим до своего совершеннолетия. Тогда он совершил самоубийство и оказался здесь, как и все те, кого ты здесь видела. Они – духи. Но они называют себя иллюзиями.

– Значит, и Павор Ноктюрнус тоже когда-то умер?

– Кто это? Не слышал о таком...

– Как странно...

* * *

Когда Принц вернулся в зал, там уже никого не было. Он спустился в центр и заметил Тень, который смотрел в окно.

Он повернулся и увидел своего принца. Поклон в знак уважения.

– Могу я пригласить Вас на танец? – спросил Павор Ноктюрнус.

Принц подал ему руку.

Загорелись свечи. Зазвучала музыка. Начался танец...

Взгляд Принца был устремлен куда-то вдаль, он не смотрел на партнера.

Совершенное подобие фарфоровой куклы, выражение лица принца не менялось...

– Ваше Величество, зачем он Вам после стольких лет? Почему я не могу стать для Вас тем, кем был Вильям? – Павор Ноктюрнус даже не ждал ответа. Ведь он сам знает ответ на свой вопрос.

– Смыслом моей жизни последние двести лет стал его поиск. Когда появился ты, я, наконец, смог осуществить свои задумки. Ты очень полезный слуга.

Тень почувствовал тепло от тела Принца. Он понял, что что-то изменилось. Принц никогда не показывал своих эмоций, но было видно, что он счастлив...

Танец был окончен.

– Я рад за Вас, – сказал Павор Ноктюрнус, снова поклонился и исчез.

– Он был для меня всем, – печально произнес Принц.

– Коль есть в душе твоей надежда и вера в светлую мечту, иди к мечте по зову сердца. Будь верен сердцу своему.

– Не поддавайся страшным мыслям, когда идешь к своей мечте. Ведь жизнь твоя имеет смысл, смысл пребывания во Тьме...

За спиной Принца стояли близнецы, держа друг друга за руки.

Вдруг по его щеке скатилась слеза...

Глава III Истина

Мари оказалась во дворе. Теперь она могла разглядеть замок снаружи. Он был из серого камня. Высокие башни, казалось, доставали до неба.

И вдруг погода начала меняться. Небо начало темнеть. Раздался гром. Засверкала молния.

Зазвучали колокола часовни.

Следующее, что она увидела, – то, как она стоит посреди небольшой комнаты и держит в руках десять красных роз. Мари почувствовала резкую боль и выронила цветы.

Повсюду горели свечи, но все же было темно.

Мари посмотрела в окно и увидела кладбище. Там, среди крестов, танцевал Принц, одетый в длинное черное платье с былыми расклешенными рукавами и белым подолом. Его кукольные кудри были собраны так, что спадали с двух сторон. Еще раз сверкнула молния – и Принц исчез.

Резко подул ветер. Открылось окно. Погасли свечи в комнате.

Мари лежала на большой белой постели, скрестив руки. К ней подошел

Принц в компании двух мужчин в черной одежде и в белых париках. Принц вложил в руки девочки красные розы. Десять красных роз. И вдруг откуда-то сверху на Мари полетели лепестки. Они летели до тех пор, пока постель не стала полностью красной...

Принц кружился у витражей. Остальные двое мужчин тоже весьма странно танцевали.

Принц упал на колени, скрестил пальцы и начал молиться.

Ноги Мари чувствовали холодную кладбищенскую землю...

* * *

Мари услышала чарующий голос, зовущий ее за собой. Она шла, не разбирая дороги. Босиком по холодной земле.

Молнии уже не было. Поэтому Мари не могла разглядеть впереди идущего человека.

Небо стало спокойным. Из-за туч было видно полную яркую луну.

Принц смотрел на кладбище сквозь заросшее паутиной окно. На постели, где лежала Мари, теперь был лишь букет красных роз.

Принц появился на кладбище.

На этот раз он был в черном кружевном платье с юбкой до колен, форму которой придавал каркас.

Мимо загадочного человека пролетела роза. Человек не остановился, поэтому Принц кинул в него вторую.

– Всегда узнаю почерк мастера, – ухмыльнулся человек.

Принц строго смотрел на него.

Понимая, что ему здесь не рады, гость бросил розу обратно в Принца. Тот поймал ее, бросил на землю, раздавил своими тяжелыми туфлями на платформе, подошел к гостю и молча дал ему пощечину.

Гость снова ухмыльнулся и достал шагу.

У Принца же не было ничего, кроме роз. Тогда шесть из них он положил на ближайший крест, а две превратились в шагу.

Они сражались на равных. Сложно было заранее определить победителя. Принц был достойным противником. Но и незнакомец не сдавался.

Когда, однако, Принц загнал своего противника в угол, за спиной Мари появился Павор Ноктюрнус, взял ее на руки и взмыл с ней в ночное небо, взмахнув огромными черными крыльями.

– Что ж, – сказал незванный гость, поправляя шляпу. – Похоже, мне здесь больше нечего делать.

Поверженный с гордым видом развернулся, взмахнув плащом, и исчез в темноте.

Принц снова держал в руках две алые розы. Он положил их на могилу, прочел молитву и вернулся во дворец, где его ждали Мари и Павор Ноктюрнус.

* * *

Это было помещение средних размеров. Здесь, возле камина, в двух глубоких креслах сидели Мари и Павор Ноктюрнус. Когда в комнату вошел Принц, они встали со своих мест.

Принц подошел к окну и хлопком призвал к себе Михаэля. Дворецкий подал ему бокал красного вина, и Принц опустошил его единственным глотком. Пустой бокал он поставил на серебряный поднос, который держал дворецкий.

Потом Принц подошел к Тени и попросил его не тревожить, так как он собирается в свои покои.

Принц ушел. Михаэль, убедившись, что никто в его услугах не нуждается, последовал за господином.

– Тебе уже лучше? – поинтересовался Павор Ноктюрнус.

– Да, спасибо, – ответила Мари, сделав глоток ароматного чая.

– Полагаю, ты очень польщена. Сам принц сражался за твою жизнь.

– Кем был тот человек?

– Увы, мне не дано этого знать... Принц не вводит меня в подробности этой истории.

– Пьеро сказал мне, что во мне живет душа друга детства Принца... Неужели это так?

– Пьеро? Кто это?

– Шут. Я встретила его в той комнате, куда ты меня отвел после бала.

– Почему ты сразу не сказала, что там кто-то был?

– Ни к чему... В конце концов, я должна знать правду!

– Ты права... Я расскажу тебе то, что знаю сам. Вильям был лучшим другом господина, когда они были детьми. Но настал тот ужасный день, когда все рухнуло.

Принц сидел за столом и играл в шахматы сам с собой. Вдруг дверь открылась, и в комнату вошел Вильям. В руках он держал скрипку. Его Высочество, конечно, обрадовался, что к нему пришел друг, но Вильям был зол. И он без всякой на то причины начал бить Принца скрипкой, пока та не сломалась. Его Высочество пытался его успокоить, но был не в силах. Вильям ударил его по голове, и Принц потерял сознание. К великому счастью, служанка вовремя заметила истекающего кровью ребенка. Его удалось спасти.

Однако примерно неделю спустя в одном из колодцев нашли тело Вильяма. И тогда Принцу стало еще хуже.

Он огромное внимание стал уделять

физическому развитию. Он много занимался фехтованием. Но то горе, которое ему пришлось пережить, навсегда оставило след в его сердце...

С этим он жил до своего совершеннолетия. Однажды ночью он надел женское платье, чтобы его не узнали, и направился к озеру. Его Величество всегда верил в переселение душ. Он верил, что рано или поздно встретит Вильяма и скажет то, что хотел сказать тогда, когда они были детьми. Скажет, как важен он был для него.

После самоубийства Принца на город напала страшная чума. И все жители замка умерли за несколько дней. И однажды дух Принца собрал остальные души и создал этот мир.

С тех пор прошло двести лет. Поиск Вильяма стал для Принца смыслом жизни... если это, конечно, можно так называть.

И вот я нашел тебя. Живого человека, в теле которого живет некогда погибший дух.

– Я всегда хотела играть на скрипке... Но матушка не позволяет мне, говорит, в музыке слишком много страсти. И это не лучшее занятие для юной леди.

– Жаль... Его Высочество говорил, Вильям был превосходным музыкантом для своих лет.

* * *

Внезапно Мари оказалась в огромном, покрытом инеем зале. Все было хрустально-голубым. Лед отражал все предметы, находящиеся здесь.

В центре зала на высоком троне сидел Принц в белом платье с длинным шлейфом и держал в руках песочные часы. На его коленях сидела кукла и печально смотрела вниз единственным глазом.

– Подойди, – сказала кукла.

Мари не могла противиться приказам.

Принц встал с трона и посадил на него Розу. Он подошел к Мари и вручил ей песочные часы.

Его мелодичные движения и милое личико и его самого делали похожим на куклу...

– Для чего это? – спросила Мари.

– Время. Управляй временем. Пространство. Управляй пространством. Вильям, я ждал тебя. Но ты – не ты, пока не настанет назначенное время. Я хочу, чтобы ты сам выбрал это время, – сказал Принц и словно испарился в воздухе вместе с Розой.

– Управлять пространством и временем? Как? Принц, постойте! Объясните! – кричала Мари. Но было уже поздно.

Внезапно у одной из ледяных фигур

возник Незнакомец. Он как всегда был в длинном черном плаще и большой черной шляпе, скрывающей половину его лица.

– Кто ты? – насторожилась Мари.

– Я – иллюзия, состоящая из твоих слез. Посмотри, во что превратились твои прекрасные слезы! Они стали льдом! И ты по-прежнему веришь этому принцу? Что это за принц, который носит женские платья!

– Но ведь он...

– Не защищай этого злодея. Он никогда не сделает тебя счастливой. Ни тебя, ни Вильяма!

Незнакомец сказал это так громко, что от испуга Мари уронила песочные часы и разбила их... и время нарушило свой ход...

Вдруг она оказалась в длинном коридоре с клетчатым полом. Красные ткани зашевелились, и перед Мари появились две сестры.

– Разбитое время вечность дарует. Тьма бесконечна, точно как Свет. Тьма тихо-тихо Свет поцелует и превратит его в вечный рассвет.

– Вечный закат, только ночь не приходит. Время нарушило собственный ход. Марионетки нить вот-вот лопнет. Смысл теряют бодрость и сон...

Близнецы упали на пол. Теперь Мари поняла, что это были только куклы. Отлично сделанные шарнирные куклы.

За спиной Мари послышался скрип. Как будто открылась дверь. Девочка повернулась и увидела маленькую точку света в конце коридора. Она бежала туда, но никак не могла добежать. Свет становился лишь дальше. И снова раздавался странный звук – на этот раз разбивающегося стекла. Мари поняла, что попала в зеркало... Здесь реальность вывернута наизнанку. Здесь действуют другие правила игры.

Не сдерживая слез, Мари прокричала: «Павор Ноктюрнус! Где ты?» Она упала на колени и тихо добавила: «Забери меня отсюда».

Девочка подняла голову и увидела тень на стене. Она обернулась и увидела Шута, висящего на нитях марионетки. Он очень странно танцевал, так, как будто им управляет неопытный кукловод.

– Пьеро! – закричала Мари.

Шут тогда находился к ней спиной. Вдруг он остановился, и его голова повернулась на сто восемьдесят градусов. Губы, окрашенные черной помадой, растянулись в безумной улыбке.

– Мари! Иди сюда! Иди ко мне, посмотри мое новое представление! – бормотал Шут, протягивая руки к девочке.

Мари еще громче закричала и побе-

жала прочь в надежде догнать точку света. Но тщетно.

Внезапно девочка услышала красивый высокий женский голос: «Мари, Мари...» Голос шел откуда-то сверху. Мари подняла голову, но увидела только черное пятно.

Девочка обернулась и вскрикнула от испуга. За ее спиной стояла девушка, на вид лет пятнадцати, но достаточно высокая, в длинном платье в вертикальную черно-белую широкую полосу. Ее бело-снежные кудри были украшены черной короной, формой походившей на лилию.

– Я – Хаос, принцесса Хаоса. Но называй меня лучше Софи, – сказала она. – Ты ведь Мари? Да, я тебя знаю.

– Ваше Величество...

– Не надо формальностей. Я же сказала, называй меня Софи! – принцесса нахмурила брови.

– Как пожелаете... Софи...

– Вот и хорошо, – улыбнулась принцесса.

Вдруг она достала часы, посмотрела на них и сказала: «Увы, мне пора. Мы еще увидимся!»

Принцесса раскрыла кружевной зонтик черного цвета и поднялась ввысь. Похоже, за той тьмой что-то есть...

Девочка смотрела вверх какое-то время, как вдруг сзади она почувствовала странный холод. На ее плечо легла мертвенно-белая рука. Мари обернулась и увидела перед собой мальчика примерно своего возраста в белом костюме. Но у этого мальчика не было глаз...

– Я отведу тебя, – сказал он.

Мари была испугана, поэтому ничего не могла сказать, и уж тем более возразить.

Мальчик взял ее за руку и повел в обратную сторону.

Чудесным образом Мари оказалась в саду, где все так же пели какие-то странные птицы, где в тени большого дерева стоял маленький столик...

Дворецкий Михаэль тоже находился рядом. Вдруг он подошел и сказал: «Иллюзий мир подвержен страхам. Не бойся самого себя. Твой страшный сон да станет прахом! Да осветит твой путь мечта! Прошу, ступай по зову сердца! По воле собственной здесь ты. Поднимут с глаз твоих завесы. Ты станешь Королевой Тьмы».

– Мечта? Я хочу... играть на скрипке...

Дворецкий хлопнул в ладоши, и в его руках оказались скрипка и смычок.

– Прошу Вас, – в поклоне сказал Михаэль, подавая Мари инструмент.

– Но я даже не знаю, как ее держать, – растерялась девочка.

– Это просто. Позвольте, я помогу Вам...

И тут глаза Мари из светло-голубых превратились в темно-зеленые. Ее длинные светлые волосы стали короткими и темно-каштановыми. Ее платье оказалось весьма странным темным мужским костюмом.

– Рад видеть Вас, принц Вильям, – в который раз поклонившись, произнес дворецкий. – Прошу, следуйте за мной. Я отведу Вас к Его Величеству...

* * *

В коридоре были поставлены два стула друг против друга. На них сидели близнецы, и вдруг одна из девочек начала:

– Ты слишком долго пролежала в пыли давно остывших лет. Король побит, не дама правит, а просто молодой валет.

Вторая продолжила:

– Мир Тьмы, родной наш дом, разрушен. Он хрупок был, словно хрусталь. Низвергнет в хаос чья-то воля, и с нами будет лишь Печаль...

А потом они говорили вместе.

– Пусть будет так. Мы все же будем служить, как раньше, королю. Ну а пока мы можем только продолжить старую игру...

Девочки взяли маленький красный мячик и бросали его друг другу.

* * *

– Это здесь, – сказал дворецкий, открывая дверь, где сидел Принц.

Принц, ранее сидевший за столиком, встал с места и в удивлении произнес: «Вильям?..»

Глава IV Иллюзии

Это произошло много лет назад. Когда еще правили короли. Однажды ночью, когда был сильный ливень и гром нарушал покой мирных жителей, в одной из комнат раздался крик королевы. Немедленно прибежали слуги. Король же тем временем ходил кругами в своих покоях. И тут король услышал стук в дверь. Дверь открылась, на пороге стоял дворецкий. «Примите мои поздравления, Ваше Величество. У вас родился мальчик».

Король был несказанно рад. Он прибежал к королеве и долго ее благодарил, целуя ее и обнимая.

Их сын рос. С первых лет в нем была замечена особенность – он никогда не играл в обычные игрушки, только любовался куклами, но не смел прикоснуться к ним. Когда он немного подрос и научился играть в шахматы, он днями сидел за игрой. Позднее заинтересовало фехтование. Он долго и упорно практиковался.

Принц был очень целеустремленным ребенком. Если он чего-то захотел, он всегда добивался этого сам и почти никогда не использовал свои привилегии, данные ему с короной.

Юный принц был не очень общителен. Часто он запирался где-нибудь один и смотрел в окно каждый день, стараясь увидеть там что-нибудь новое. И однажды увидел.

Во двор въехала карета. Большая и очень красивая, запряженная черными лошадьми.

В дверь комнаты, где тогда сидел Принц, внезапно раздался стук. Принц открыл дверь и увидел перед собой служанку. «Ее Величество просит Вас встретить гостей», – поклонившись, сказала она.

Принц прибежал к королеве и восторженно спросил: «У нас гости? Кто они? Кто?»

«Наши соседи», – спокойно ответила королева.

Открылась парадная дверь, и в нее вошли король и королева Англии и их сын Вильям.

У Вильяма был серьезный взгляд. Его волосы были убраны набок, и эту его серьезность невозможно было скрыть. На поясе юного наследника трона висела шпага. Она сразу заинтересовала Принца. А в руке он держал небольшой черный футляр весьма необычной формы.

«Рады вашему приезду», – сказал король Франции.

«Спасибо за ваше гостеприимство», – ответил ему король Англии.

«Предлагаю пройти за стол, милые гости», – сказала королева Франции.

Гости прошли за стол. Для каждого заранее было определено место. Главы Англии сели на один край, Франции заняли противоположный.

За обедом обсуждался мир между государствами. А после детей отправили играть.

Наш Принц сразу спросил англичанина: «Настоящая шпага?»

«Настоящая», – ответил Вильям, не доверчиво глядя на собеседника.

«Я давно искал достойного противника. Не хочешь сразиться со мной?»

«Приму за честь, Ваше Величество».

Француз одержал победу.

Они разговорились.

Внезапно Принц спросил: «А что у тебя в футляре?»

«Скрипка».

«Покажи!» – восторженно сказал Принц.

Вильям достал скрипку и начал играть. Играл он недолго, лишь несколько минут. Но Принцу было понятно, что произведение это весьма сложное. Принц

был восхищен. Никогда раньше не чувствовал он такого тепла, которое дарили ему звуки скрипки.

Так они стали друзьями.

Вместе они проводили все время. Принц Вильям рассказывал о музыке. Все, что знал сам. Нашего Принца это очень радовало. Он впервые познакомился со сверстником, с которым еще и так интересно!

С момента их знакомства прошло некоторое время.

В один день Принц играл в шахматы в одной из комнат замка, как вдруг он заметил чье-то присутствие. Его Величество обернулся и увидел Вильяма. Он подошел к нему, но Вильям ни с того ни с сего начал бить Принца скрипкой. На крики сбежались слуги. Принц упал без сил на пол. Ему пытались помочь. Пришла королева. Его Высочество пытался все объяснить, но говорил лишь невнятными отрывистыми фразами: «Вильям... скрипка...»

В тот день англичане уехали.

С тех самых пор, когда в замке проводились балы, Принц не мог находиться среди танцующих. Его взгляд всегда падал на музыкантов. Среди них были скрипачи, поэтому Принц в ужасе убегал куда-нибудь и закрывался там.

Шли годы. В итоге Принц решил подружиться со своими страхами. И теперь он всегда ходил на балы.

На одном из таких балов его познакомили с германской принцессой. Принцесса не показалась Принцу красивой, но родители сказали, что рано или поздно должен произойти их брак. Конечно, в экономических и политических целях.

Церемония должна была состояться, когда Принц станет совершеннолетним.

В ночь перед этим он прокрался в покои короля и королевы и взял там платье королевы.

Была ночь. Все спали. Но нельзя было проявить неосторожность. Принц надел платье, загримировался и вышел во двор.

Он дошел до своего любимого озера, где вода была такая чистая и прозрачная, и полностью вошел в холодную воду.

* * *

Утром поднялась паника.

Королева обезумела и в горе насыпала яд себе в вино.

Потом на Европу напала чума. Люди умирали каждую минуту. Они шли и падали.

Король тоже умер от чумы.

Что было дальше – не знает никто.

Единственное, что знает не каждый, – это то, как Принц попал в этот мир.

Он открыл глаза и увидел вокруг себя

красные ткани. Посмотрел под ноги – и увидел черно-белый клетчатый пол. «Где я? – думал он, поднимаясь на ноги. – Здесь есть что-нибудь?»

Вдруг он услышал странный шорох. Как будто от перьев. Принцу стало интересно, и он подошел ближе. Он присел, стараясь лучше разглядеть это загадочное существо. Существо было похоже на человека. Принц пытался рассмотреть его лицо, но существо прятало его. Однако Принц сумел добиться своего. Лицо существа было очень гладким. У существа были красивые глаза, от которых вниз были проведены черные полосы. Его черные губы были идеальной формы... Нет, им невозможно было не восхищаться!

«Ты ранен? Что с твоими крыльями?» – спросил Принц.

Существо отвело взгляд.

Тогда Принц оборвал подол платья и заметал раны на крыльях существа.

«Скажи, где я?» – спросил Принц.

«Это... Мир Иллюзий, Ваше Величество. Я благодарен Вам за Вашу доброту! Я теперь обязан Вам жизнью!» – существо тянуло руки к Принцу, но, видимо, оно было слишком слабым, чтобы что-то делать и даже говорить...

Принц встал, поправив юбку.

«Раз так, – сказал он, – ты будешь моим слугой».

«Вы так добры... Ваше Величество...»

Существо снова рухнуло на пол. Принц нагнулся и прикоснулся к плечу существа – холодное...

На существе было что-то вроде плаща с длинными рукавами из прозрачных тканей и кружев. На нем было затянут корсет. Весьма странное сочетание. Все же оно было невероятно красиво...

Пока существо не пришло в себя, Принц сидел с ним и гладил его прекрасные черные крылья и расчесывал его длинные черные волосы.

Когда же существо пришло в себя и открыло глаза, оно снова увидело перед собой Принца. Оно хотело что-то сказать, но Принц начал первым: «Кто ты и откуда у тебя эти раны?»

«Меня зовут Павор Ноктюрнус. Я разную страшные сны. Я не знаю, почему мои крылья порваны. Помню только, как что-то большое и темное налетело на меня с чем-то острым. А еще я помню женщину в необычной короне...»

«Здесь есть еще кто-то кроме тебя?»

«Очевидно, есть...»

«Вставай», – строго сказал Принц, подавая существу руку.

Павор Ноктюрнус встал и сказал: «Я не рассказал еще одного. Теперь Вы, Ваше Величество, иллюзия. А я, как Ваш слуга – тень».

«Что это значит?»

«Это означает, Ваше Величество, что отныне Вы можете стать всем, чем захотите. И Вы становитесь бессмертным, так как уже однажды умерли».

«Это все-таки случилось...»

Принц помогал Тени идти, и только они сделали несколько шагов, как Тень сказал: «Там, в конце коридора, в самой темной его части, должна быть дверь... она ведет в сад».

Павор Ноктюрнус не солгал. Там и правда была дверь. И только она была открыта, как яркий свет ослепил Принца и Тень. Они прошли дальше и оказались в аккуратном садике с маленьким прудиком. Их встретил дворецкий.

«Михаэль?» – удивился Принц.

«Рад Вашему прибытию, Ваше Величество», – поклонился дворецкий.

«Что произошло?» – недоумевал Принц.

«Мы все умерли. Я рад, Ваше Величество, что Вы умерли именно так... На город напала страшная чума. Люди падали один за другим. Это было ужасно», – дворецкий закрыл руками лицо. – Простите меня, Ваше Величество...»

Принц кивнул.

Затем он сел за маленький столик под большим дубом и о чем-то задумался. Павор Ноктюрнус стоял рядом, пока Принц не указал ему на второй стул, давая тем самым понять, что Тень может присесть.

«Что случилось потом?» – обратился Принц к дворецкому.

«Я не знаю. Единственное, что я успел увидеть, это то, как королева подмешала себе яд. Было ужасное горе...»

* * *

Со временем Принц встречал в замке все новые знакомые лица. С каждым днем их становилось все больше. Но потом эти гости, как правило, куда-то неожиданно исчезали и больше уже не возвращались. В замке остались лишь Принц, Павор Ноктюрнус, прислуга, включая дворецкого Михаэля, и шут Пьеро. Последними появились две маленькие девочки-близняшки, точные копии друг друга. Когда они появились, Принц обратился к Михаэлю с вопросом, кто эти девочки, на что дворецкий ответил, что он их не знает и никогда раньше в замке не видел.

И однажды, находясь в коридоре, Принц почувствовал чье-то присутствие за спиной. Потом услышал смех. Такой детский, но с нотками злобы. Принц обернулся и увидел перед собой девушку среднего роста, на вид не очень взрослую, но и не ребенка. У нее были серьезные, хоть

и смеющиеся глаза глубокого черного цвета. У девушки были белые кудри. На ней была корона. Но корона весьма необычная: черного цвета, формой похожая на лилию. Ее платье также показалось Принцу весьма необычным: оно было в широкую черно-белую вертикальную полоску.

Девушка рассматривала платье Принца и, наконец, сказала: «У тебя совсем нет вкуса. Кто же в наше время носит черное?»

Принца поразила такая дерзость: «Да как ты смеешь! И кто ты вообще!»

«Я – Хаос. Для тебя просто Софи, – принцесса несколько нахально улыбалась. – А я тебя знаю, Ваше Величество».

Это еще больше разозлило Принца. «Откуда ты здесь?»

«И самых глубин твоего темного сердца, – хихикнула Софи. – А если серьезно... – принцесса задумалась, – ну да, именно оттуда».

Принц решил не сдаваться: «Как в моем сердце может жить тот, кто так плохо одевается?»

«Как грубо! Я, между прочим, не за этим пришла».

«Зачем же? Говори – и возвращайся, откуда пришла».

«Начнем с того, что я расскажу тебе одну весьма занятную историю. Когда тебя здесь еще не было, я была хозяйкой всего. Потом появился Павор Ноктюрнус, ныне являющийся твоим преданным слугой. Помнишь, когда ты его впервые увидел, он был изранен и практически не мог дышать? Открою тебе маленький секрет, – принцесса приблизилась к лицу Принца и тихо сказала, улыбаясь, – это было моих рук дело. Единственное, пожалуй, чего я не ожидала, это то, как быстро Тень привыкнет к тебе. Тени такие хрупкие – лишь направишь на них лучик света, как они исчезнут. Поэтому им нужны хорошие хозяева. Такие, как ты».

«Что ты хочешь этим сказать?»

«Ничего. Тогда я просто проверяла его. Тебе достался хороший слуга. Смотри, не потеряй его».

«Что это значит?»

Принц был вне себя. Однако Софи не услышала его вопроса. Она уже давно раскрыла черный кружевной зонтик и улетела на нем вверх.

Неужели здесь нет потолков, подумал Принц.

* * *

Разговор с Софи, принцессой Хаоса, долго не давал покоя Принцу. Доходило до того, что Павор Ноктюрнус осмеливался спросить у Принца, что же произошло. Принц молчал. Он вообще редко гово-

рил. В какой-то момент Принц даже почувствовал страх. Долгое время ничего не происходило, и принцесса больше не появлялась. Его Величество успокоился и обо всем забыл.

Принц пытался избавиться от скуки, часами находясь в библиотеке и читая там различные книги, начиная сказками и заканчивая философией. Среди этих книг Принц однажды нашел одну толстую книгу в кожаном переплете, в которой говорилось о создании и оживлении кукол. Так была создана Роза, прекрасная говорящая кукла, у которой под повязкой на правом глазу находилось отверстие для заводного ключика.

Что стало потом – известно всем.

Итак...

* * *

Перед глазами Принц видел своего канувшего во время друга Вильяма, английского принца, того, кого он так долго искал.

«Вильям! – воскликнул Принц, подбежал к другу и крепко обнял его. – Вильям! Вильям, я так долго тебя ждал! Я нашел тебя! Ты ведь никогда больше не покинешь меня?»

«Я... я тоже так ждал этого момента... Прости меня за все! Я сам не понимал, что делаю, я был болен. Смерть для меня была единственным выходом. Она излечила меня. Я удивлен, что ты до сих пор так добр и нежен ко мне. Ведь столько лет прошло...»

«Время не имеет никакого значения!»

«А ты со временем стал еще красивее. Не думал, что ты станешь таким».

«Пойдем, мне надо о многом тебе рассказать...»

Они удалились и долго говорили о том, что было, что есть и что будет.

* * *

Сестры сидели на полу друг против друга, вытянув ноги перед собой. У каждой в руках был ножичек, небольшой изящный ножичек...

– Я хочу с тобой поиграть, – сказала одна из них.

– А во что? – поинтересовалась вторая.

– Я хочу посмотреть, что будет, если ударить тебя этим ножом. Нам говорили, что у кукол нет крови. Я хочу узнать.

– Хорошо, – ответили вторая девочка и встала с пола.

К ней подошла ее сестра и воткнула ей нож в область сердца.

– Тебе весело? – спросила она.

– Очень...

Едва девочка промолвила эти слова, как тут же упала лицом на пол... И по чер-

ным и белым клеткам пола растеклась ее кровь...

– Надо же, настоящая, – произнесла вторая сестра и улыбнулась. Впервые в жизни...

Глава V Последняя загадка

Мари и Павор Ноктюрнус стояли друг против друга, глядя друг другу в глаза, и долго молчали. Наконец Павор Ноктюрнус заговорил:

– Я – твой дух. Я живу в твоей душе. А твоя душа, соединенная с душой Вильяма, по-прежнему желает одного – быть с Принцем. Как и я желаю вечно служить Его Величеству. Я знал, с самого начала знал, что рано или поздно нам придется расстаться.

Мари в удивлении часто хлопала глазками и ничего не могла понять.

– Доброе утро, Мари.

Внезапно яркий свет ослепил Мари, а когда она открыла глаза, она лежала на большой мягкой постели в светлой комнате, где так же трепетно колыхались занавески, как тогда, когда она в последний раз их видела. Здесь не было ни клетчатого пола коридора с его красными драпировками, ни загадочных героев. Из окна не открывался вид на кладбище.

Мари вышла на балкон и вдохнула утренний воздух.

– Все кончилось? Так быстро? Но ведь я даже не узнала, что стало с остальными... Жуткий сон мне приснился.

* * *

Принц сидел в темной комнате, освещенной лишь тремя свечами канделябра, который Принц принес с собой, и разговаривал со своей куклой Розы. Слова его были очень важны для куклы, и она все внимательно слушала.

– Я никогда не задумывался о том, что есть Свет и что есть Тьма. При жизни мне хватало других забот. Теперь же, когда у меня в руках вечность, я могу позволить себе подобные мысли.

За все это время я понял, что Свет не есть Добро, а Тьма не есть Зло.

Я понял, что Зло – это тьма в сердцах людей... И если они используют эту власть, они убивают себя изнутри. Ведь только разумное использование данного тебе блага делает тебя великим и мудрым.

Я никогда не задумывался о том, что есть Любовь и Дружба. И лишь потеряв Вильяма, начиная чувствовать себя чем-то одиноким и холодным, я открыл для себя новые чувства. А ведь мне всегда казалось, что я другой...

Я никогда не задумывался о том, что есть Война. Во времена моей молодости не было серьезных сражений. Но я совершенствовал свое искусство владения шпагой, потому что верил, что в следующем мире я обязательно снова увижу дорогого мне друга, и это там это может пригодиться... Я не ошибся.

Я всегда верил в некую высшую силу. Возможно, эта вера и создала этот мир... Возможно, так сильна была моя печаль...

Когда я оказался здесь, я стоял в длинном коридоре с клетчатым полом... Это очень красивое место, оно такое темное. Я не верил в существование ада или рая, но я нашел свое идеальное место. Позже, когда на мою страну напала чума, все, кто до этого жили в замке, оказались здесь... И сейчас весь высший свет моей страны покоится на кладбище возле замка. Где-то на территории есть и моя могила. Но я до сих пор ее не нашел. Если у тебя есть вечность, это не значит, что все это время ты должен отдать ради одной цели... Возможно, мне это просто не так интересно, как изучение тайн библиотеки... Там я прочитал множество книг, в которых говорится о вечных вопросах вроде Жизни и Смерти.

Ведь что такое жизнь? Это всего лишь данное тебе время... Время, которое ты должен разумно распределить на все, чего ты желаешь. Иначе ты останешься рабом чужих прихотей и нужд. И совсем не важно, принц ты или нет.

Я так и не стал королем. Моя мать всегда говорила мне, что я не смогу владеть государством. Но ведь я смог стать королем другого, более важного и интересного мира... Ведь умирают все, а живет далеко не каждый...

Мое самоубийство было задумано еще в тот несчастный день, когда погиб Вильям. Кто бы мог подумать, что все произойдет так быстро! Ему хватило всего несколько десятков лет, чтобы переродиться в теле Мари... Он все еще помнил меня.

Что будет с Мари? А что с ней может быть? Она проснется, умоется, расскажет кому-нибудь из прислуги свой страшный сон и навсегда его забудет...

Ни Тьма, ни Свет не могут управлять Временем. Как раз наоборот. Но когда это все-таки случается, может произойти все что угодно. Нельзя предугадать ход событий в недописанной истории.

Мы – иллюзии. Тени – наши слуги.

Павор Ноктюрнус продолжит свою работу, будет разносить людям кошмары...

Шут продолжит свою бессмысленную работу, как и Михаэль и прочие.

А я... Я продолжу думать о вечном...

Последней загадкой для меня остался вопрос: что есть человек? И у меня есть

время, чтобы подумать об этом и прийти к некоторым выводам. Я уже успел понять, что Несчастье и Злоба являются частью каждого.

Знаешь, Розы, если бы не ты, я бы чувствовал себя очень одиноко. Я счастлив, что создал тебя когда-то. Ты моя лучшая кукла...

— Хозяин, — робко произнесла кукла и внезапно почувствовала едва уловимое тепло нежных рук Принца, перебирающих ее красивые темно-бордовые кудри.

— А теперь спи.

Принц коснулся губами лба куклы и вышел из комнаты, навсегда закрыв за собой дверь...

Марина ВДОВИК

Родилась в 1987 году. Победитель городского Литературного конкурса им. Павла Васильева (2011)

Иван

Иван жил на окраине города. Это и частью города-то трудно было назвать — какой-то отросток из двух улиц, каких много бывает в современных мегаполисах. Город, в котором жил Иван, был большим, с разными заводами, университетами и прочими полезными для людей и абсолютно бесполезными для Ивана вещами.

Университета Иван не заканчивал и на настоящем заводе никогда не работал, а пошёл после девятого класса в училище на какого-то токаря или фрезеровщика — он и сам уже не помнил точно, потому что в учёбе не усердствовал, а больше гулял с девушками или пил портвейн. По специальности Иван никогда не работал, потому что к тому времени, как окончил училище, как рабочий он уже никому не был нужен. Бизнеса своего вовремя Иван тоже не завёл, а перебивался всё как-то так. Сначала грузчиком, потом сторожем, потом, к примеру, кладовщиком, а теперь вот работал на пельменной фабрике, которая находилась недалеко от центра города, в одном из старых заводов, переделанных под малые предприятия. Там он целый день поднимал и опускал большой нож, который нарезал тесто на кусочки. Вокруг было всегда много девушек и женщин, и громко играло радио. С этими девушками Иван тоже иногда встречался, но так до сих пор и не женился. Он даже и не задумывался об этом до недавнего времени.

Всю свою жизнь Иван прожил вдвоём с матерью. Отец бросил их, когда Иван ещё учился в школе, но это не было трагедией или психологической травмой для ребёнка, потому что отец много пил и всё равно проводил с сыном мало времени. Мать умерла недавно, и Иван остался совсем один. Он жил в квартире матери в деревянной двухэтажке и катался на её старой машине.

Каждое утро Иван вставал со своего маленького диванчика и шёл на кухню. Там он готовил растворимый кофе и яичницу, ел всё это и читал старые детективы в книжках с твёрдой обложкой. Они большой стопкой лежали уже много лет в кладовке. Потом он чистил зубы, одевался и ехал на машине на работу. Обедал он вместе с девушками в столовой, которая осталась от завода, и теперь в ней питались работники офисов, типографии и пельменной фабрики. Иван был человеком общительным, хоть и одиноким, и с удовольствием болтал за обедом. Вечером он любил ходить в гости к старым друзьям или гулять. Особенно в последнее время.

Это потому, что месяц назад на фабрику пришла новая лепщица — Маша. И она Ивану очень понравилась. Маша была маленькой и хрупкой. Её недавно отчислили из университета, и она пришла работать сюда. Иван сразу попытался произвести на неё впечатление, и ему это удалось. Они с Машей стали гулять вместе каждый вечер и ходили в кафе, в кино и в парк. Ивану очень нравилось гулять с Машей, она была красивой и доброй и любила мороженое с орешками. Иван уже начал подумывать, а не сделать ли Маше предложение. Тем более что она была из деревни и снимала комнату недалеко от фабрики, а у него какая-никакая, но была квартира. Хоть и на окраине, но зато имела и машина. И Иван уже твёрдо решил поговорить об этом с Машей непременно завтра же. Он решил это, когда они в очередной раз сидели в кино, и в фильме герой делал предложение своей девушке. Эта сцена вдруг вдохновила Ивана, и он твёрдо решил. После фильма они ещё немного погуляли по парку, и он проводил Машу до подъезда. Потом вернулся к машине и поехал домой.

Там он, как всегда, сварил пельменей и сел смотреть очередной вечерний боевик. Весь вечер Иван был крайне взволнован принятым решением. Он помылся и побрился, заранее погладил любимую рубашку и лёг спать.

Ночью всегда было тихо, но сегодня Ивана что-то разбудило. Прямо среди ночи он услышал странный какой-то звук.

Звук ни на что не похожий – сильный, громкий, пронзительный и какой-то... страшный. От этого звука даже показалось, что яркий свет на мгновение ударил в глаза.

Иван вскочил на постели, но всё боялся спустить ноги на пол – таким страхом наполнил его этот звук. И сразу вокруг стало так тихо и темно. Абсолютно пустая, тёмная, безмолвная комната. Иван долго сидел на постели, боясь пошевелиться, но потом всё-таки встал и подошёл к окну. За окном всё вроде как было по-прежнему, но страх не проходил. Иван вернулся в постель и стал лежать, глядя в потолок. Потом он вдруг вспомнил о своём вчерашнем решении, и это наполнило его покоем и радостью. И он, полный счастливых мыслей, уснул, почти забыв о страхе.

Утром Иван проснулся, как всегда, по будильнику. Внутри всё сжималось от сладкого волнения. Он сделал кофе и поджарил яичницу, дочитал очередной детектив и сунул книжку на подоконник. Потом долго и тщательно чистил зубы и умывался, одевался, причёсывался и постоянно смотрелся в зеркало, предвкушая запланированный разговор.

Когда Иван вышел из подъезда, его опять, непонятно почему, охватил такой же страх, как тогда ночью. Вроде бы всё было как всегда, но странная тошнота подкатывала к горлу, а кончики пальцев холодели. Иван вспомнил полуночное происшествие, и теперь оно никак не выходило из головы. Но он всё равно по-прежнему сел в свою старенькую машинку и выехал из того захолустья, в котором располагалась его двухэтажка, на шоссе, ведущее в город.

Других машин на дороге не было, и это добавило Ивану беспокойства. Не то чтобы всегда их было много, но почему-то именно сегодня он особенно обратил на это внимание. Вот начались первые городские кварталы. Иван проезжал мимо них каждый день, но сегодня здесь было необыкновенно тихо и пустынно. Как будто какой-то туман окутывал город. Страх усилился, но Иван ехал дальше.

И чем дальше он ехал, тем прочнее пустота поселялась в его сердце. И все приятные предвкушения вчерашнего вечера, и все надежды на будущее, и все планы, мечты, привязанности и радости – всё утонуло в этой бесконечной пустоте, всё исчезало в этом безграничном страхе и осознании.

Иван уже не мог остановиться. Он продолжал и продолжал ехать по пустым улицам, вдоль обгоревших домов и голых обуглившихся деревьев. Он всё ехал и ехал, пока чёрные обломки какого-то зда-

ния не перекрыли ему дорогу вперёд навсегда.

Страх снов

Огромные черные глаза... Не глаза – сплошные зрачки. Алиса связала их жизни... Почему? Просто он говорит из её головы. Просто он лакает её душу языком. Просто он встречает её во сне...

Когда Алиса увидела его впервые, она не знала, как его зовут и кто он такой. Его опечатанное вечной поэтической болью лицо смотрело на мир с обложки журнала и заставило её остановиться у киоска. Журнал Алиса не купила. И никогда не спросила, как он очутился на обложке, как его зовут и кто он такой. Она звала его Суровый. И он не обижался.

Когда Алиса увидела его впервые, он шёл по улице. Алиса узнала его сразу, хотя не видела никогда прежде. Ей не надо было никуда идти, но она спросила, как пройти в библиотеку. Он сказал, что надо спуститься по улице, и его голос оказался тем самым голосом, который читает книжки в голове и говорит мысли.

Когда Алиса увидела его впервые, он подошел к ней сам и заговорил первым. Он просто спросил:

– Ты плохо спала?

– Да – ответила Алиса. Она не удивилась. Он знал, что говорит.

– Спи осторожнее, – сказал Суровый. – Если тебе понравится во сне слишком сильно, ты никогда не вернешься.

И она поняла, что теперь они встретятся во сне.

* * *

Сны... Алиса всегда видела сны... Она чувствовала там всё: боль и страх, вкус и запах, мягкость и холод.

Во сне она часто попадала в дом. В чужой дом. И искала свою квартиру. Это было странно – ходить по лестнице: этажи – второй, третий, пятый... и не видеть своего этажа. За третьим всегда идет пятый. Иначе не бывает.

А еще она часто видела во сне страх. Самый большой свой страх – метро. Оно объединяло в себе все самые страшные смерти: электрический ток, колеса поезда и подземные стены. Станции метро во сне были не такими, как в реальности – мраморными и светлыми. Они были из чистой стали. Металлические стены давили на Алису. Воздух был пропитан железом и электричеством. Десятки стальных дорог-рельсов пересекали пол. Там ток – Алиса это знала. А вдалеке шум – это по-

езд. И это тоже было понятно. Непонятно было – куда бежать. Она падала на рельсы и всегда чувствовала страшный электрический удар...

Но чаще всего Алиса видела во сне озёра. Чистые озёра под голубым небом. И она бежала по берегу. А однажды озеро выросло на её пути. И дорога отодвинулась. Было пусто и тихо. И на берегу только старик со старухой. Они живут здесь уже сто лет.

– Как мне попасть на тот берег?

– Пройди вон по той дороге.

– Но дорога на другом берегу!

– А тебе разве не туда надо?

А ещё ей часто снился конец света. Всегда по-разному и всегда очень красивый. Ночное небо было заполнено огромными яркими планетами, почти такими, какими их рисуют на картинках, только настоящими. Планеты двигались и светились. И от их движения зависела судьба мира... А в другой раз планет не было. Было множество ярких звезд. И все они разом упали вниз, на миг заполнив небо безграничным метеоритным дождем. И в этот момент мир завибрировал вместе с телом Алисы... И это было похоже на то, как будто вспомнил что-то, чего никогда не знал, но всегда хотел узнать...

И Алиса каждый раз просыпалась.

* * *

Когда Алиса увидела его впервые, он сидел на остановке и курил. Алиса села рядом и стала молчать. Тогда Суровый вдруг посмотрел на неё, и она впервые увидела его глаза. Те самые глаза цвета выключенного света. И поняла, что теперь он всегда будет рядом. Они встали одновременно и вошли в автобус. Алиса села у окна...

Ноготь разрезал иней стекла изящным словом «Суровый». Острый холод пробежал вдоль кости и провалился глубоко в плечо. Слово тут же стерлось подушечками пальцев. Стекло не холодное, немного шершавое... или просто пальцы чувствуют меньше, чем ногти?

Алиса оторвала взгляд от окна и взяла Сурового за руку. Тепло, которое мог дать Алисе только он, суровое молчаливое тепло пронеслось по кости и рухнуло туда же. Там, в глубине плеча, была ее память, там она копила чувства дня.

Двери автобуса открылись, и Алиса посмотрела на остановку. Вон мужчина покупает сигареты. Это тот самый мужчина, который держится за поручень на передней площадке. Из-за киоска вывернула полная женщина. Она на заднем сиденье оживленно беседует с подругой. Алиса всегда следила за раздваивающимися людьми, это было ее маленьким

секретом. Но она знала, что Суровый тоже следит.

Когда садишься в автобус, всегда хочется, чтобы он шел как можно быстрее. А стоит приехать – опять неохота выходить. Выходить на холод неприятно. Алиса взяла тепло автобуса и отправила его внутрь плеча. Суровый молча вышел за ней. Ему было всё равно, куда идти.

Алиса шла домой. Суровый держал её за руку, но это не спасало от холода.

Снег был похож на сухое молоко... на дешевые сливки из белого пакета с нарисованной кофейной кружкой. Крупные круглые крупинки. Губы в такие моменты превращаются в растрескавшиеся камни. И уже забываешь, что когда-то они могли чувствовать, и отламываешь зубами куски, чтобы не лезли в глотку. А потом слизываешь выступившую соль и опять упираешься зубами в камни.

А рукам очень горячо. Им всегда становится горячо, если долго идти по сухому молоку и если долго держать кого-то за руку. Потом отпускаешь её, а руки еще долго сохраняют форму, становясь таким же растрескавшимся камнем. Ты думаешь, что хочешь разогнуть пальцы, а они почему-то не слышат и продолжают держать невидимую чужую руку.

Вот подъезд – дрожащая рука на кнопках домофона, и пальцы примерзают к дверной ручке. Дома ждут. Дома всегда говорят, что ждут.

Каблуки на лестнице: этажи – первый, второй, третий, пятый... Чужой сине-серый звонок. Откройте! Вы же ответили по домофону. На стене предательски-красная цифра – 5. Спуститься всего на один этаж... и Суровый молчит. Алиса спускается. Вот пролет – мусоропровод – ещё ступеньки. Шаг за шагом, и отчетливый стук вокруг них. Красная, издевательская цифра – 3... «Я не сплю!» – вспомнила Алиса и села на ступеньки. «Я не сплю...». Она встала и пошла в свою квартиру. И ей сказали, что её ждали и волновались. И чтобы она шла есть. Она зашла, и Суровый зашел вместе с ней, и вместе с ней ужинал и лёг вместе с ней, скрыв извечную поэтическую печаль своих глаз длинными черными ресницами.

* * *

Суровый был рядом с Алисой всю жизнь. Она привыкла к безграничной печали его бездонных глаз и к его спокойному голосу. И самым главным в её жизни было, чтобы он всегда оставался рядом. Он и был рядом всегда. Он жил с ней днём и засыпал с ней ночью. И они каждый раз встречались во сне. Он обычно молчал и очень много думал. И все его

мысли были мыслями Алисы и показывали ей правду. Суровый пытался во всём найти смысл, и только Алиса могла этот смысл понять.

Иногда Суровый говорил, и в такие моменты печаль в его глазах становилась ещё сильнее.

Они сидели на качелях во дворе:

– Надень кроссовки, – сказала Алиса.

– Как же я могу надеть кроссовки, когда они лежат в рюкзаке? – спросил Суровый. Он выглядел действительно серьезным. Потом достал один ботинок.

– Как же я могу надеть второй кроссовок, если он в рюкзаке? – он достал второй ботинок, сунул в него руку и достал носок: – Что это? Что в моём кроссовке? И как я теперь должен жить, если у меня в кроссовках что-то есть? Где ты – Бог? Может быть, это ты? – он поднял носок вверх и повторил: – Может быть, это ты, Бог?

Алиса молча встала и пошла. Суровый встал и пошел за ней. Ему было всё равно, куда идти. Для неё было важным, чтобы он шёл рядом. А для него важным было, что она поняла, что он хотел сказать.

Во сне Суровый часто показывал Алисе большое озеро с прозрачной водой. Она радовалась и бегала по песчаному берегу. А потом просыпалась и искала его. И опять бежала по берегу и смотрела, как солнце отражается в прозрачной воде. И вновь вставала с кровати и шла, зная – вот, в этом дворе, где вчера стояли качели – здесь светится в закатных лучах прекрасное огромное озеро. Приходила и бежала по берегу. И из соседних домов выходили олени и пили воду. С антенн слетали чайки и ловили рыбу, из окон спускались цветы и вырастал лес. И она шла по берегу, пока не садилось солнце, а потом возвращалась домой и опять засыпала. И Суровый всегда был рядом с ней.

Только когда Алиса заходила в метро, Сурового рядом не было. Она вновь и вновь падала на стальные рельсы и просыпалась от ужасных ударов, а Суровый обнимал её и говорил, что страх – это не страшно. Страшно – это когда незачем бояться.

Иногда, когда они возвращались домой, – туда, где ждут и волнуются, – и Суровый тепло держал Алису за руку, тёмное небо покрывалось огромными яркими планетами. Но Алиса знала, что это нестрашно. И что сейчас мир рухнет, чтобы возродиться снова – уже во сне. И она ждала сна и не боялась.

* * *

И так было всегда... Пока однажды

Алиса не проснулась в своей кровати и не поняла, что она одна. Сурового не было рядом, но он сказал в голове, что надо ехать на метро. Алиса встала, оделась и вышла из дома. Где станция, она прекрасно знала. И прекрасно знала, что это обычная светлая мраморная станция, и что страх – это нестрашно. Но, когда она зашла в метро, металлические стены обрушились на глаза стальным блеском. А воздух пропитался железом и электричеством. Там ток – Алиса это помнила. А рельсы были везде... Вдруг взгляд упал на такой же стальной тротуар. Только нога коснулась спасительной площадки, как та пришла в движение. Дорожка текла вдоль рельсов, давая выбор, но не защищая от приближающихся поездов. У другой стены стояли лавочки. Алиса пробралась туда и залезла на лавку с ногами. Этот островок также пришел в движение. И тут Алиса поняла – это и есть поезд... Это не станция – это вагон. А она стоит на сиденье... Алиса старалась не думать о страхе, рельсы кончились, и она вышла из метро.

Алиса очутилась на берегу огромного озера. Оно казалось голубым, и солнечная дорожка на поверхности сияла, несмотря на ночь. Чёрное небо было усыпано огромными разноцветными планетами с яркими светящимися кольцами и рассыпалось гроздьями метеоритов...

А посреди всего этого великолепия стоял Суровый. И его глаза были глубже озера, чернее неба и страшнее страха. Он на миг пустил Алису в эти глаза и произнес привычным голосом в голове: «Нет бездны чернее и глубже, чем бездна человеческих зрачков, но и в них ты не увидишь ничего, кроме собственного отражения». А затем развернулся и пошел прочь. Алиса рванулась за ним, но вдруг поняла, что это конец. Что Суровый уходит навсегда, что он никогда больше не будет рядом с ней.

Он показал ей звездное небо – и это была красота Вселенной, показал лазурное озеро – и это была красота природы, показал ей себя – и это была красота человека... А потом он отобрал всё это и сказал: «Живи сама». Это была красота боли, без которой невозможно понять всего остального...

И тогда Алиса побежала по берегу и крикнула своей душе: «Улетай!». Душа расправила тонкие крылья и растаяла. А Алиса спокойно пошла обратно. И озеро вдалеке покрылось ряской, а берег его заполнился мусором; и планеты на небе перестали быть яркими, превратившись в крошечные тусклые дырки; и больше не было страшно...

И тогда Алиса поняла, что никогда уже

не будет видеть снов, потому что забыла, зачем они были нужны...

Олеся МАЙБАХ

Родилась в 1993 году. Участник городского Литературного конкурса им. Павла Васильева (2011)

«ГРЯЗНОЕ НЕБО»

Автомобиль недовольно зашипел шинами и резко остановился.

Открылась дверца – отрывисто, как решетка клетки, – и из недр машины вырвалась высокая темноволосая женщина.

Она гордо выпрямилась, независимо встряхнула волосами и яростно захлопнула дверцу.

«Успешность – не залог счастья...»

Ольга – так её звали – устало и широко шагала по булькающему асфальту.

Поздней осенью темнеет рано, а тут ещё всё небо захватили огромные, громоздкие и словно вываленные в сажу тучи.

Дождь монотонно и упорно бил в землю, намереваясь пробить её насквозь и утечь в космос.

«Ненавижу мужчин, ненавижу работу, ненавижу отчёты, ненавижу гинекологов, ненавижу детей, ненавижу дождь, ненавижу грязь!» – каждое «ненавижу» отзывалось в сердце звоном вонзающегося в тело земли каблука.

Перед тем как войти в подъезд дома, женщина бросила взгляд наверх, на небо.

«Ненавижу небо, ненавижу ГРЯЗНОЕ НЕБО!»

Дверь рухнула, застонав от собственного крика.

Женщине 29 лет. Она только стала начальником отдела. От неё ушёл мужчина. И она беременна – совершенно лишне и не вовремя.

Не включая в квартире свет, Ольга бросила мокрый плащ на пол, а грязные сапоги – в угол.

Пошла в свою комнату, на ходу снимая опротивевшую за тяжёлый день одежду и швыряя назад, за спину. Пытаясь вместе с вещами забыть и вычеркнуть события последних десяти часов.

Оставшись совсем без одежды, она остановилась у окна.

Наклонила голову набок, закрыла глаза, сделала глубокий вдох и раздвинула шторы.

Комнату наполнил тусклый и тяжёлый осенний свет.

Женщина приподнялась на цыпочки и открыла форточку.

В лицо ударила холодная струя воздуха, наполняя лёгкие свежестью.

Ольга осмотрела улицу – внешний, не ведающий о её бедах и терзаниях мир.

Ведь решение она ещё не приняла.

«Устала. Сейчас – спать.

Всё остальное – после».

Прикрыла шторы и легла в постель.

Заснула быстро, но мозг не успокаивался, блуждая по проблемам и вариантам их решения.

Постепенно разрозненные образы и мысли слились воедино, засияли в озарении.

Появилась картинка.

Безграничное, постоянно преобразующееся поле.

Дети, детёныши животных и ростки растений – не сохраняющие свой облик больше чем на минуту.

Они превращались друг в друга, росли, становились высокими стройными деревьями, грациозными пумами, дружелюбными собаками, ловкими белками, но никогда – взрослыми людьми.

На цветах, растениях застыли капельки росы, животные были покрыты влагой, а на грустных детских лицах печалились слёзы.

Крайне одинокие существа ничем не занимались, коротая вечность.

Пока женщина не двигалась, поражённая, живое поле не видело её.

Но как только она пошла вперёд, вбирая в себя глазами неведомое и стараясь шагать как можно мягче, на неё стали обращать внимание.

И тут:

– Ай! Мне больно!

Под ногой прятался листочек ромашки.

– Извините, я не нарочно!

Но, только собравшись отправиться дальше, она обернулась, опустилась на колени и низко-низко наклонилась:

– Скажите, пожалуйста, а что Вы здесь делаете?

Цветок вздрогнул, превратился в крольчонка и произнёс:

– Ничего!

– А почему?

– Я ничего-ничего не могу делать – ведь я не существую!

Женщина отшатнулась:

– Ты... умер?

Глаза зверька стали влажными и полными невыплаканных слёз:

– О нет! Я не родился – меня убили раньше.

Женщина потрясённо поднялась и посмотрела вокруг.

Сотни, тысячи, миллионы – бескрайние поля, засеянные, усыпанные детьми.

Все живые (мёртвые!) вокруг превратились в детей и устремили на неё море своих глаз.

Солнце ярко освещало это место, но совсем, совсем не грело, не дарило тепла.

Посмотрев внимательно под ноги, Ольга поняла, что стоит на облаке, тучке, что внизу – пустота воздушная.

А если поднять голову – пустота небесная.

И здесь – они...

Рядом раздался тихий голос:

– А ведь она живая...

Женщина повернулась. Рядом стояла пятилетняя девочка с голубыми глазами и волнистыми белыми волосами.

– Вы – живая?! – воскликнули ещё многие юные люди.

– Да...

И они все шагнули к ней, мечтая хотя бы потрогать жизнь, прикоснуться к чужой жизни.

Как все они ей завидовали!

У них нет имени, нет тела, плоти. И нет души – и мыслей.

Только сердце – и постоянная боль. Сначала спокойно, тепло, *счастливо*, а потом – резкая боль, которая не притупляется.

– Расскажите, каково Ваше предназначение? – зашелестели голоса вокруг женщины.

– Я не знаю!

– Как так! Это невозможно! – дети очень удивились.

– О, она же живая – и ничего не знает! – ответила стоящая рядом девочка.

– А вы знаете? Своё предназначение? – шёпотом произнесла Ольга, но её услышали.

– Мы знаем всю свою судьбу – непрожитую, – раздался мягкий голос далеко впереди.

– Как люди смогут без нас!

За её руку ухватилась девочка:

– Я должна была подарить любовь одному очень несчастливому композитору. Он сейчас ходит по земле и ничего не пишет – ему плохо без меня.

– Мой сын должен был создать стихи, остановившие братоубийственную войну. Стихи, в которых звучали бы мир и дружба. – Шептал мальчик с красивыми ясными глазами.

– Я должен был погибнуть, но спасти жизни десятков людей...

– Среди моих потомков должна была родиться девушка, спевшая гимн Вселенной, её голос должен был согреть и объединить сердца миллионов цивилизаций.

– Благодаря моим реформам наше государство должно было выйти из замкнутого круга экономических и социальных проблем.

– Моя дочь должна была создать лекарство от рака.

Тысячи детей шли, тянулись к ней и шептали:

– А я... А я... А я...

– Мой... Мой... Моя...

Женщина смотрела по сторонам и терялась в этом океане глаз, вопросов, боли и мольбы:

– Забери меня... меня... меня...

– Мне больно... больно... больно...

– Меня убили... убили... убили...

По её глазам скользили слёзы. Она испуганно смотрела на всех этих нерождённых людей и понимала, что больше оставаться здесь не может, что испугалась и отшатнулась от них.

Они почувствовали произошедшую в её душе перемену.

Из добрых и молящих их лица превратились в злые и решительные.

Ольга попробовала бежать.

Но ноги тут же запутались в траве, а рядом остались только заросли кустарника и дикие звери.

Животные оскалились, обнажив длинные острые зубы.

Она почувствовала, как тонет в пропасти страха, и громко, но беззвучно закричала.

И проснулась.

Сразу широко раскрыла глаза, чтобы убедиться – всё неправда, всё хорошо, всё чудесно.

Сердце билось требовательно и оглушительно, ясно отдаваясь в голове.

На висках и спине она чувствовала капельки холодного пота, а на щеках и губах – солёные слёзы.

Ольга встала и медленно подошла к зеркалу, ощущая себя грязной и порочной.

«А что – мой ребёнок? Какова его судьба? Отправить его *туда*? А вдруг ОН должен спасти мир?»

Вдруг мой ребёнок научит людей любить друг друга?

Вдруг именно он, не способный ещё ни говорить, ни мыслить, откроет миру счастье?

Вдруг он будет верить в добро и заставит всех верить тоже?»

Женщина легко подбежала к окну и распахнула шторы.

«Теперь я знаю, почему идёт дождь...
На облаках плачут дети...
Прости меня, небо! Прости за грязные мысли. Ты – самое чистое – без содеянных грехов, без содеянных добрых дел».
Люди – уходят в землю.

Юлия САВВАТЕЕВА

Родилась в 1992 году, студентка Новосибирского государственного технического университета, финалист городского Литературного конкурса им. Павла Васильева (2011).

ИСТОРИЯ ОДНОГО СВЕТОВОГО БЛИКА

Вы видели, как разводят мосты в Петербурге? Я – нет. Видели ли Вы, стоя на самом верху Эйфелевой башни, миллионы городских огней у своих ног, и ещё другие миллионы, что светили Вам с вышины? Я не видел. Но уж наверняка Вы видели ало-красный закат и огромное, малиновое, как прививка на руке, солнце? Я уже не увижу.

Я помню, что перед тем, как ослепнуть и забыть своё имя, я видел волосы, горевшие на солнце. Я помню тень на асфальте, я помню ветер в кронах голых деревьев и стук каблучков, ветер, взметнувший волосы и полы зелёного плаща, ветер, принёсший запах взорванного солнца. Было много луж и опавших листьев. У неё, которая меня ослепила, был порван носок, и пока мы ходили, она промочила ноги.

Я чувствовал себя мастером. Тем мастером, что трижды романтический и ведёт свою подругу в вечный приют, где она будет хранить его сон.

Я ослеп. Я влюбился без оглядки. Я знал, что когда она улыбается, на её щеках появляются ямочки. Я трогал её лицо и запомнил его так, что разбуди меня ночью, я вылепил бы его из глины. Она любила перебирать мои рыжие волосы и в честь них даже перефразировала есенинское «Я помню любимая, помню, сиянье твоих волос» на «Я помню, любимый мой, помню, пламень твоих волос».

Зимой она повезла меня на каток. Всё ещё слепого, естественно. Час на льду.

Дважды я упал на живот, четырежды на копчик. Домой она привезла меня чуть живого и сидела у кровати до вечера, её волосы падали мне на лицо, я держал руки на её щеках, и щёки были мокры. Я утешал её, как мог, но видно, делал это плохо. Наши волосы смешались, я млел от тепла и почти блаженствовал. Она плакала. Я был счастлив.

Ходить было больно, ходилось плохо, но когда рядом была она, даже боль притуплялась. Она купила мне трость, я ходил по квартире, обстукивая пороги и ковёр.

Весной мы вышли на улицу. Она давила каблучками лёд на лужах и кормила хлебом голубей, я же сидел на лавке у подъезда, боясь выпустить из рук трость, и чувствовал себя старым, очень старым, я чувствовал себя серым камнем, на котором щербинки сделаны водой и ветром. Я не знал, что со мной происходит. Она видела перемены во мне и терялась в догадках. Потом терялась на один день, на два. Когда она возвращалась, я чувствовал знакомые любимые запахи, но теперь к ним примешивалась усталость.

– Что происходит с Нами? – спрашивала она.

Я не знал и молчал. Она молчала и исчезала.

Когда она исчезла и появилась в очередной раз, мне почудилось, что я прозрел на несколько секунд. Она стояла на пороге, в её руках был сложенный зонт. И с неё, и с зонтика текло ручьём. Рядом с ней, привязанная к сердцу тонкой серой нитью, парила её душа, истерзанная и трепещущая, вся в лоскутах.

– Я больше не могу так! Я не нужна Вам?.. Вам со мной плохо? Почему Вы всё время молчите?..

Я знал, что её мучает моё изменившееся поведение, моя отрешённость, но я ничего не мог с собой поделать. Она вновь исчезала.

Как-то раз она пропала на неделю, и я не выдержал. Как слепой кот Базилио, полагаясь только на трость, я вышел из дома. Я понятия не имел, где она живёт. Тем более я не знал, где она находится сейчас. Я не видел. Вернее, в тот момент я *почти* не видел. Иногда в черноте передо мной вспыхивали отдельные картинки, дававшие мне знать, где я нахожусь, и исчезающие медленно, как растворяются в воде краски. Я помнил только смесь её запахов, и, надеясь на свою память, этот неуловимый шлейф и минутные видения, я отправился на поиски.

И смог её найти. Мне виделось, что она была в парке, на скамейке у пруда и бросала хлеб большому лебедю. Пока я, нашаривая тростью ровные участки, спускался к пруду, хлеб закончился, и птица отплыла на середину. Когда я сел рядом, она бросила короткий взгляд и собралась уходить. Я заставил её остаться. Она чувствовала исходивший от меня холод и взяла меня за руки, пытаюсь согреть.

– Что с Вами? – спросила она, и вся усталость, скопившаяся внутри, опустила её голову мне на плечо.

– Я не знаю, – ответил я, и это было правдой. Я плакал. Она была счастлива.

Лето прошло неувовимо, и снова настала осень. Я старательно делал вид, что я тот, прежний, улыбчивый и беспечный. Она верила, что со мной всё в порядке, но в порядке я не был. Всё чаще и чаще я представлял себя выжатой губкой. Вокруг угрюмого меня был вакуум. Вакуум настолько густой и непролазный, что я не всегда слышал её голос. Было тоскливо, и за эти полгода моего упадка мне нередко снились сны, что грусть, как серая паутина, опутала меня и все вещи в квартире. Моё лицо принимало всё более болезненный вид, несмотря на мои упрямые заверения, что со мной всё хорошо. Через какое-то время моя болезненность достигла своего пика.

Не на шутку встревоженная, она повезла меня в больницу, и пока мы тряслись в автобусе, она до боли сжимала мою руку и дышала в волосы:

– Мой пламенный, это только на десять дней, я добилась отдельной палаты...

Мне не было дела до этих формальностей. Я обнимал её за плечи и твердил:

– Я вернусь.

После нескольких дней в больнице мне сообщили, что одними простенькими процедурами дело не ограничится, и чтобы что-то там уточнить, нужно пройти полное обследование. В общем, меня затаскали по кабинетам и выявили, что я болен несколько серьезнее, чем они ожидали. То есть смертельно. Эту новость я воспринял донельзя спокойно. Врачи даже проверили мой пульс.

Но что будет с бедной ней, когда она узнает? Что станет с Душой-в-ключья?

Она приехала. Я сказал. Она плакала, я пытался её утешить, но так как утешать я не умел, она расплакалась ещё сильнее и очень не хотела уходить.

Каждый день я принимал её звонки, слова и новые слёзы. Ночами я просыпался и пытался вспомнить её лицо. Я стал ненавидеть белый цвет, я чувствовал его кожей, им была пропитана палата и вся больница, и я начал мысленно просить, чтобы меня похоронили в чёрном фраке.

Наступила зима.

Меня тошнило от больничных обедов, я терял в весе, моя шевелюра редела и становилась менее рыжей, а она, видя, с какой быстротой я прихожу в упадок, не могла сдержаться от слёз.

– Мой пламенный, мой пламенный, что же с Нами делается?! Зачем *так* горят Ваши глаза, зачем Ваши щёки *так* впалы?..

Я обнимал её крепче, она дрожала, как травинка на ветру, и только шептала:

– Пусть это будет дурной сон, чья-то злая шутка!.. Я так не хочу, не надо! Послушайте, мой пламенный, разбудите меня! Я хочу проснуться!

Когда я умер, она сумела сохранить лицо и не ударилась в плач, только лишь закрыла глаза. Когда она целовала меня в последний раз, осторожно и трепетно касаясь моего лба, щёк и губ, с её восхитительных ресниц не упало ни единой слезинки. Исстрадавшаяся, свои слёзы она выплакала уже давно. Мы так и не успели купить кольца. Наверное, это всё-таки к лучшему, иначе теперь она была бы вдовой.

– Мой... пе... пельный... – выдохнула она мне в волосы, и вздрогнув, отошла.

Ночью ей снились мотыльки и мои закрытые глаза, и тогда она плакала, но ведь во сне кто может за себя поручиться?

Утром на пустой подушке рядом лежал солнечный зайчик. Он прыгнул на одеяло на её животе, и она проснулась. Живой свет скользнул по её щеке и губам, сместился на плечо и снова вернулся на щёку. Она улыбнулась и всё поняла.

Я же говорил ей, что вернусь.

Дмитрий РАЙЦ

Родился в 1990 г., студент Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, победитель городского Литературного конкурса им. Павла Васильева (2011)

L'enfance

*Посвящается моему брату Игорю
Владимировичу Райцу*

Oh, l'enfance, le temps quand il semble que
toute la vie sera comme l'ete...*

1

В маленьком допотопном телевизоре тощий старичок в красной шапке и висящей на его костлявом теле синей рубашке ходит по палубе корабля и что-то говорит, показывая рукой вдаль. Это капитан Жак-Ив Кусто, великий исследователь Океана, благородный и неустрашимый, мореплаватель и ныряльщик. Со своей верной командой он избородил и кишасшие пираньями воды Амазонки, и скованные льдами холодные северные моря... Какой он умный, добрый, внимательный! Он как дедушка, но только ещё лучше!

Кусто надевает акваланг и ныряет. Длинной вереницей шествуют, щелкая клешнями, по песчаному дну красные лангусты, скачут куда-то морские коньки, черепахи не спеша гребут плавниками, среди водорослей мечутся диковинные треугольные рыбки; пробивающиеся сквозь толщу воды пятна света плавно скользят по зеленеющим камням с наросшими на них желтыми, фиолетовыми, оранжевыми ветвями кораллов.

И водолазы, подражая обитателям моря, грациозно извиваются и безмятежно перебирают лапами, за ними поднимаются облака пузырьков. Синее океанская даль, таящая в себе ещё так много загадок... Вперед же, Кусто! Для тебя нет ничего невозможного!

2

Кошка с пышными усами, волнистой рыжей шерсткой и разноцветными (зеленым и голубым) глазами, даже застряв под забором, не собирается терять чувства собственного достоинства. Гордое существо не станет же уподобляться собаке, оно не начнет в панике теребить суматошно лапами. С важной миной она ждет какого-то чуда, делая вид, что просто прилегла отдохнуть под тенью забора и поглядеть, как Миша и Даня сидят на крыльце, едят крыжовник да смотрят на березовые верхушки. И мальчики верят

сейчас, будто достают эти верхушки до самого неба. Дедушка садится рядом с внуками и также поднимает взгляд на могучие кроны берез. Ему они кажутся чуть поменьше.

3

На одной из берез живут муравьи. У них черное тельце и красное брюшко. По черно-белой коре они лазают вверх и вниз, без усталости, целыми днями. Даня и Миша любят устраивать между ними сражения: сцепляют двух за передние лапки, ставят пару обратно на березовую кору и смотрят. Муравьи кружатся в надежде высвободиться и нещадно друг друга жалят до тех пор, пока один из них не погибнет от смертельных укусов соперника. Его тельце скрючивается, подкашиваются лапки, и он падает с дерева вниз, в высокую траву. Однако и вольный век победителя недолго продлится – через пару минут он также умрет от полученных в бою ядовитых ран...

4

Дедушка поставил высокий сплошной забор и теперь мастерит новую чудо-калитку с такой сложной конструкцией из велосипедных замков, деревянных засовов, шпингалетов и длинного железного гвоздя, что и сам до сих пор в ней путается. За калиткой же скрывается кухонька со стенами, покорищеневшими уже от долгих лет и невзгод, с треснувшими окнами и бочкой у свежеекрашенного крыльца; хитроумная система из шлангов и поплавков зачем-то наполняет её при каждом поливе. Когда бывает жарко, к самому краю воды в бочке слетаются, усаживаются и жужжат целые рои шмелей и пчел. Под окнами кухни растут замечательные кусты, украшенные многочисленными маленькими белыми цветками, которые пьяняще пахнут медом! А если пройти по дорожке из потрескавшихся бетонных плиток, то из-за черемухового куста вырастет другой, голубой, как вода в океане, дом с крутой черепичной крышей; там есть телевизор, кровати и даже кресло-качалка. По всему участку растут высокие березы, покрывая кухню и синий домик спасительной пятнистой тенью и усыпая их крыши сухими листьями и сережками.

Но дорожка бежит дальше, в огородные заросли, где, огибая две теплицы (одну – для помидоров, другую – для кабачков с огурцами), клумбы, грядки и кры-

* О детство, пора, когда кажется, что вся жизнь будет летом... (фр.)

жовник, утыкается в грубо сколоченный, накренившийся туалет...

5

Даня и Миша спрятались в густых зарослях клёна. Тяжелые капли барабанят по зеленым листьям, не долетая до земли.

Кап, кап, кап; бум, бум, бум. Мальчишкам весело, им это кажется чем-то волшебным. Ведь вон видны низкие серые тучи, грохочет далекий гром и всполохи молний освещают горизонт, но дождя здесь, под кленом, будто и не бывало; здесь сухо и почти что тепло. Однако магия подходит к концу, и крупные капли разбиваются о мальчишеские лбы все чаще. Уже залило под кленами, а ребята стоят, не шелохнувшись, и смотрят наверх, все ещё надеясь, что листья смогут опять остановить ливень, и все снова будет хорошо и волшебю.

К ним мчится дедушка, размахивая зонтиком.

– Чего ж вы, дурёхи, стоите тут? Бежите скорее к дому.

И, пробравшись через мокрые кусты, Миша и Даня, шлепая по лужам, идут вслед за дедушкой к калитке. Дедушка вынимает из кармана большую связку ключей и начинает открывать свои замки:

– Так, гвоздь достал... – задумчиво бурчит дедушка. – Замок первый открыл, второй открыл... Мишка, поддержи зонтик... Засов убрал... Что еще надо-то?

Он в задумчивости потирает подбородок, достает из кармана какую-то бумажку и продолжает бурчать:

– И это сделал... А! Вот! Эврика, так сказать...

Дедушка опять звенит своей связкой, и наконец, калитка открывается. По крутому, скользкому склону они спускаются к кухне и, сбросив с ног грязные, сырые ботинки, взбегают по мокрым ступенькам крыльца наверх.

6

– Подстругай ещё борты, – подсказывает дедушка Мише.

Тот послушно шоркает рубанком по зажатой в верстаке деревяшке, которая скоро станет корабликом и отправится в свое первое плавание по бескрайним озерным водам. Борты подструганы, и почти все готово.

– Ещё надо киль присобачить, – опять советует дедушка.

Миша берет молоток, аккуратно при-

бивает к дну большой гвоздь и обматывает его проволокой.

– Ну, и как назовем наше судно? – спрашивает дедушка и смеется, побряхтывая. – Как его назовешь, так оно и будет плавать. Помните, как в «Врунгеле» мы читали?

– «Калипсо»! Как корабль капитана Кусто! – отвечает Даня.

– Не могу даже поверить, что он получился таким красивым, – говорит Миша с некоторым придыханием.

Но Даня разочарованно вздыхает – в душе он мечтал о роскошном корвете с тремя мачтами, с парусами и снастями, с якорем и пушками. А это просто обгромсанное полено со вбитым в его днище гвоздем...

– Сегодня папа приедет, с ним и пойдем на озеро, – добавляет Миша.

7

Дедушка придумал удивительно простую и очень удобную в применении мышеловку: отрезав верхнюю часть канистры из-под оливкового масла, залил туда воды до половинки, к стенке ее прикрутил на шуруп кусок трубки так, чтобы тот мог свободно вращаться, а на конец трубки подвесил на нитке кусочек сыра, к которому и должна поползти жертва. Когда жадный грызун почти достигнет долгожданного лакомства, шланг под его тяжестью опрокинется и зверек полетит в канистру, где захлебнется маслянистой водой. Вот такая система.

8

«Папа что-то долго не едет». Дети, уже долго ждущие у калитки, взволнованно переглядываются.

Наступают ясные летние сумерки, на землю опускается легкий янтарный туман. Прохладный вечерний воздух наполнен сиренью и черемухой.

Но вот раздается торжественное библиканье, и счастливые мальчики бегут скорее открывать ворота садового общества. Папа приехал на красной блестящей машине. Он сигналил вновь.

– Господи Боже мой, Иисусе Христе! Чего вы застгяли там, как мухи сонные?! Быстгее, дети!

Даня и Миша долго не могут найти на дороге подходящий плоский камешек, чтобы открыть примитивный замок на воротах. Картавый папа нервно сигналил опять.

– Чего вы там вегитесь? Я вам говою

не вегитесь, не вегитесь, а вы вегитесь и вегитесь!

Они открывают ворота, подбегают к открытому окошку автомобиля, детские ручки тянутся к отцу, а тот давит на газ и едет вперед, за ворота. Ребята в облаке пыли семят за машиной.

* * *

Папа привез жвачку. В каждой упаковке – карточка с изображением лошади в национальном костюме какой-либо страны мира. Даня и Миша давно собирают эти картинки и вклеивают их в специальный альбом, а дедушка под каждой аккуратным почерком подписывает название государства. Особенно братьям нравятся та, где нарисована чубарая лошадь в красной курточке и высокой меховой шапке. Дедушка говорит, что это Великобритания. Интересно, какова эта Великобритания? Жаркое ли там лето? Счастливы ли там люди? Интересно...

9

Из клёна можно делать кленовых людей. Для этого нужно всего лишь у веточки клёна оборвать под самый корешок листья. Выходит что-то похожее на тело с руками и ножками. Руки, правда, обычно выходят длиннее ног, но это не беда.

10

Укутав «Калипсо» в какие-то тряпки, будто боясь, что их корабль может простудиться, мальчики бегут к озеру, а их отец, с недовольным видом потягивая трубку и читая на ходу газету, идет за ними.

– Папа, а в озере есть тропические треугольные рыбки?

– Нет.

– А черепахи?

– Нет.

– А морские коньки?

– Нет.

– А лангусты?

– Нет.

– А почему в озере не синяя, как в море, вода, а какая-то зеленая?

– Не знаю.

Золотые блики солнца перебегают от волночки к волночке. Рыжая кошка с разноцветными глазами бьет лапой по сво-

ему отражению и грозно шипит. К воде склоняется ивовый куст, в его тени у самого берега носятся водомерки, неприятные насекомые на длинных согнутых лапках; почему-то они не тонут, а напротив, лихо скользят по глади озера, и за ними по воде расходятся круги, как от капель дождя.

Дети подходят к самому краю воды.

– Отойдите оттуда – вы ноги промочите, – фыркает из-за газеты умный папа.

– Пора, Миша, – шепчет Даня.

– Пора, – отвечает тот.

Миша бережно ставит суденышко на воду и нежно подталкивает его вперед. «Калипсо», их мечта, проплыв едва ли метр, начинает крениться на левый борт и переворачивается. Миша пытается прибить его палкой обратно к берегу, но ему уже не достать. Кораблик уплывает от них все дальше. Гвоздь, служивший килем, бесполезно торчит над водой. Миша ещё суетится, Даня сурово провожает его взглядом. Видимо, это судьба и так было нужно. Папа перелистывает страницу газеты.

11

В маленьком допотопном телевизоре скучный мужчина в больших очках читает с бумажки: сегодня, 25 июня, на 87 году жизни знаменитый французский ученый, путешественник, изобретатель, исследователь Океана, режиссер, фотограф и писатель Жак-Ив Кусто скончался в Париже от инфаркта миокарда...

Сразу после этих новостей в эфире идет очередной выпуск «Одиссеи Кусто».

«Наверное, ведущий что-то напутал, ведь на экране, как и всегда, смело глядит вдаль отважный капитан Кусто, улыбается, говорит в камеру умные вещи, интересные факты. Нет, такой человек не умрет никогда...» – думает Даня.

«А за капитаном синее и волнуется бескрайний и бездонный океан. Над ним снуют крикливые альбатросы, а в его глубинах по-прежнему плавают треугольные рыбки, по дну идут лангусты, морские коньки скачут, а черепахи гребут плавниками...» – додумывает Миша.

Февраль – март 2009